

Арина НОВИКОВА

Vera Proskurina, *The Imperial Script of Catherine the Great: Governing with the Literary Pen* (Boston: Academic Studies Press, 2023). 220 pp., ill. Bibliography. Index. ISBN: 979-88-8719-176-8.*

В июне 1762 г. императрица Екатерина Алексеевна, облаченная в мундир Преображенского гвардейского полка, руководила заговором, низложившим ее супруга Петра III и возведшим на престол ее. Одним из главных орудий власти просвещенной монархини стал литературный язык, представляющий собой богатую знаковую систему и являющийся универсальным инструментом создания идеологических смыслов.¹ Сложившаяся на настоящий момент традиция изучения вышедших из-под пера Екатерины II текстов как формирующих современную политическую идеологию государства и империи опирается на семиотический, постструктуралистский и постколониальный подходы.² В рамках этой программы следует рассма-

тривать и рецензируемую книгу В. Ю. Проскуриной, преподающей сейчас в Университете Эмори (США). Эта англоязычная публикация представляет собой перевод книги Проскуриной, изданной в 2017 г. Новым литературным обозрением.³ Некоторые изменения коснулись лишь третьей из шести глав книги. В принципе, каждая из глав является самостоятельным историческим исследованием, мало связанным с остальными, отчего книга больше напоминает сборник статей, а не монографию.

Не стремясь объять необъятное и всесторонне охватить все литературное творчество Екатерины II, Проскурина сосредотачивает внимание на известных изданиях сочинений императрицы (преимущественно по публикации академика А. Н. Пыпина начала XX в.). Автор так формулирует свое понимание роли текстов в политике императрицы: “Если политика Екатерины имела своей целью перенесение имперского могущества в Россию, своего рода *translatio imperii*, то литературные и культурные свершения императрицы должны были служить

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ С. Н. Зенкин. Семиотика культуры. Москва, 2023.

² А. Зорин. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. Москва, 2001. С. 28.

³ В. Ю. Проскурина. Империя пера Екатерины II: литература как политика. Москва, 2017.

translatio studii, т.е. перенесению культурной парадигмы, знаний и цивилизации на российскую почву” (Р. хiii).⁴ Литературная деятельность императрицы имела двойную прагматику: формулируя политические директивы или назидания для подданных, она обозначала место России в европейском пространстве для иностранных наблюдателей (Р. х).

Книгу открывает глава “Ландшафт империи: ‘Антидот’ против ‘Путешествия в Сибирь’, или Границы европейской цивилизации”. В 1768 г. французский астроном Жан Шап д’Отрош опубликовал трактат “Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 г.”, в котором признал Россию варварской страной, “столетия прозябающей под деспотическим правлением, лишенной всякой перспективы цивилизационного взлета” (Р. 3). Ответом Екатерины II стал двухтомный “Антидот” (1770), где императрица, не указывая своего имени и ссылаясь на “Наказ”, отмену Тайной канцелярии и успехи в литературе, опровергла критику д’Отроша (С. 25–26).⁵

Вторая глава, “Варварская столица: смех во время чумы”, анализирует цикл комедийных

пьес императрицы 1772 г. Автор отмечает, что драматургия Екатерины имела целью не только обличить пороки общества, но и противопоставить европеизированному Санкт-Петербургу Москву как “столицу мракобесия” с ее допетровскими порядками и противостоянием реформам. Местом создания пьес был указан Ярославль, что достаточно долго сбивало исследователей с толку. Проскурина считает, что в контексте символической политики царицы Ярославль выступал антитезой Москвы и “был связан с проектом нового идеального, разумного города, который должен был служить моделью просвещенных реформ в стране” (Р. 34).

Глава 3, “Поэтика прототипов: политические контексты сказок Екатерины II”, посвящена сказкам о царевичах Хлоре (1781) и Февее (1782), написанным императрицей для своего внука Александра. В основе сюжета первой сказки лежит путешествие главного героя в поисках “розы без шипов, которая не колется” – аллегория на поездку будущего императора Павла с супругой по Европе в 1781–1782 гг. Отрицательный персонаж Леньтяг-мурза, пы-

⁴ Здесь и далее в скобках указаны страницы рецензируемой книги.

⁵ Проскурина ошибочно приписывает отмену Тайной канцелярии Екатерине II, хотя упразднение канцелярии произошло еще в феврале 1762 г. указом Петра III (А. Б. Каменский. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Москва, 2001. С. 312).

тающийся направить царевича Хлора неверной дорогой, идентифицируется Проскуриной с канцлером Н. И. Паниным, который вмешивался в построенные Екатериной планы европейского турне великого князя и великой княгини.⁶ Фабула сказки о Февее идентична сказке о Хлоре. Мораль обеих – герою необходимо руководствоваться Разумом, а не советами “злодеев”.

Четвертая глава, “Территория свободы: спор у дворцовых стен”, посвящена полемике императрицы и драматурга Дениса Фонвизина в начале 1780-х гг. Пока Екатерина II создавала образ просвещенного правителя – “философа на троне”, в журнале “Собеседник любителей русского слова” была анонимно опубликована статья “Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание”, где изобличались пороки политической системы (Р. 85). Автором статьи был Фонвизин, но императрица долгое время приписывала их И. И. Шувалову. На страницах журнала началась жаркая полемика, которая, со-

гласно Проскуриной, свидетельствовала о немыслимой прежде возможности “свободозычия” и тем самым успешности обновления России (Р. 96). Вопреки сложившейся в историографии точке зрения, Проскурина показывает, что запрет на дальнейшую публикацию сочинений Фонвизина был связан не с описанным спором, а с разоблачением оппозиционной “панинской партии”, в которую вошел Фонвизин.

Борьба за культурное и политическое влияние внутри империи является центральной темой пятой главы “‘Свет с Востока’: Екатерина II в борьбе против масонства”. Начавшееся в 1779 г. противостояние императрицы с масонством Проскурина считает политической борьбой, частью которой стали три антимасонские пьесы – “Обманщик”, “Обольщенный” и “Шаман Сибирский” – в которых иллюминаты представлены смешными и преступными шарлатанами (Р. 116). Противодействие масонам мотивировалось не только защитой рационализма Просвещения от мистицизма. Не признавая интеллектуальный ав-

⁶ В частности, Н. И. Панин препятствовал поездке великого князя через Вену, как того желала императрица, и настаивал на путешествии через Берлин. В начале 1780-х гг. происходит переориентация внешнеполитической стратегии России, и вместо предлагаемого Паниным “Северного аккорда”, включавшего союз России с Пруссией, оформляется союз Екатерины II и Иосифа II. См. М. А. Петрова. Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза 1780–1790. Москва, 2011.

торитет императрицы, масонское сообщество представляло прямую угрозу ее абсолютной власти. К сожалению, автор отобразила эту борьбу лишь с одной стороны – Екатерины II, не описав ответные действия масонов.

Завершающая книгу глава 6, “Имперская поступь Екатерины: греческий проект на театральной сцене”, посвящена взаимосвязи *translatio studii* и *translatio imperii*. Собственно “греческий проект”, предполагавший воссоздание Византии на обломках Османской империи как самостоятельной, но дружественной России страны, освещен в главе достаточно лаконично, и такой выбор автора кажется оправданным, коль скоро этой теме посвящены специальные исследования.⁷ Проскурина уделяет основное внимание “мифо-исторической легитимации” присоединения Крыма, превратившегося на новых географических картах в Тавриду. В риторике Екатерины II речь шла не об аннексии, а о возвращении империи к некогда существовавшим границам, освященным легендой о принятии христианства. Сакрализация предполагаемого места крещения Владимира позволила императрице “осуществить

одновременно перенос в Россию имперского величия (*translatio imperii*) и религиозного ‘благочестия’ (*translatio religio*)” (Р. 167). Проскурина характеризует миф о Крыме как реставрацию никогда не существовавшего, а потому утопического прошлого. Присваивая культурное и историческое наследие Киевской Руси, Византии и Древней Греции, императрица переосмысливала географию Российской империи, напрямую связывая ее с колыбелью европейской цивилизации.

Рассмотренные в книге сюжеты раскрывают связь между политической прагматикой и литературным творчеством Екатерины II, стремившейся быть не только просвещенной европейской монархиней, но и философом и писателем на троне. Всесторонне рассматривая эту проблематику в широком культурно-историческом и литературном контексте, рецензируемая книга в целом успешно справляется с поставленной задачей. Не перегруженная сносками и чрезмерным количеством цитируемых документов, она читается легко. Впрочем, у доступности изложения есть и обратная сторона. Автор порой несколько упрощенно передает

⁷ Зорин. Кормя двуглавого орла; И. М. Смилянская, М. Б. Велижев, Е. Б. Смилянская. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. Москва, 2011. С. 15–17.

современное состояние историографии обсуждаемых сюжетов.

Так, теоретическим основанием для обсуждения символической географии в книге служит работа Ларри Вульфа “Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения”.⁸ Вслед за ним Проскурина пишет, что “именно в эпоху Просвещения произошло ментально-географическое разделение между Западной и Восточной Европой, а границы между ними пролегли где-то между Пруссией и Польшей” (Р. xi). Однако, как давно напомнил Фритьоф Беньямин Шенк, дискурс формального противопоставления Восточной и Западной Европы (вместо традиционного разделения на север и юг) сформировался только в XIX в.⁹ Вульф писал о формировании ориенталистских проекций на регион, который позже назовут “Восточной Европой”, и в этом смысле говорит о ее “изобретении” в эпоху Просвещения. Оформление новой ментальной

географии заняло длительное время, так что о существовании отчетливых границ в эпоху Екатерины II говорить не приходится. Столь же опрометчивым кажется воспроизведение риторики Екатерины II, которая стремилась приукрасить свои достижения за счет изображения страны под властью своих предшественников как “отсталой”.¹⁰ В книге не критически повторяется тезис о том, что “доекатерининская Россия почти всегда воспринималась как *варварская и отсталая* антицивилизация” (Р. xi).

Отсутствие сносок и развернутой аргументации вызывает сомнения в том, действительно ли литературный корпус Екатерины II превышает корпус произведений Фридриха II, как заявляет автор. Все же его собрание сочинений составляет 31 том, собрание политической корреспонденции – 46 томов.¹¹

Более существенным пробелом кажется отсутствие опре-

⁸ Larry Wolff. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994. Русский перевод: Ларри Вульф. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения* / Пер. с англ. И. Федюкина. Москва, 2003.

⁹ Ф. Б. Шенк. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // *Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования*. 2001. №4. С. 4–17.

¹⁰ А. Б. Каменский. К проблеме “вековой русской отсталости” // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 1. С. 202.

¹¹ J. D. E. Preuss (Ed.). *Œuvres de Frédéric Le Grand*. T. 1–31. Berlin, 1846–1857; Johann Gustav Droysen (Hg.). *Politische Correspondenz Friedrich's des Großen*. Bd. 1–46. Berlin, 1879–1939.

делений ключевых понятий, используемых в книге, включая центральную для нее категорию “идеология”. Литература является лишь одной из сфер производства идеологии, поэтический язык облекает ее в наиболее доступную адресатам аллегорическую форму. Утверждая, что все тексты императрицы тесно связаны с формированием идеологии, Проскурина не уточняет принципы выявления собственно идеологических символов в изучаемых текстах. Еще большую путаницу вызывает применение автором терминов “нация”, “национальность”, “народность” и “империя”. В шестой главе русского издания присутствует подраздел “Триумф и народность”, но в рецензируемом английском издании он переведен как “The Triumph of Nationalism”. Его содержание осталось без изменений, что заставляет задуматься о том, видит ли автор принципиальную разницу между двумя понятиями. Поэтому не до конца понятно, что имеется в виду, когда Проскурина пишет о спектакле “Начальное управление Олега”, поставленном императрицей в 1790 г.: “этот греко-русский патриотический симбиоз подкреплялся введением русской *народности (nationality)*

в официальное торжество” (Р. 185, курсив мой).

Проскурина использует семиотический подход, трактуя тексты как коды, обозначающие определенные политические ситуации. Однако ее метод приложения семиотической теории к анализу конкретных текстов в книге не прояснен, в результате чего местами анализ обретает интерпретационно-эссеистический характер. Исходя только из содержания книги, читатель не получит ответа на вопрос, каким образом тексты императрицы могли внушать определенные ценности и идеи читателю второй половины XVIII в. Акт коммуникации рассматривается односторонне, лишь с точки зрения формулирования Екатериной II некоего послания. При этом не принимается во внимание, как это послание прочитывали его адресаты и какие смыслы в них вкладывали.¹² В результате возникает впечатление, что императрица занималась литературной полемикой с воображаемыми оппонентами лишь для того, чтобы потешить свое тщеславие.

Более широкое использование накопленного биографического материала помогло бы скорректировать и контекстуализировать кажущиеся чересчур широкими

¹² Умберто Эко. Роль читателя: Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. Санкт-Петербург, 2007.

обобщения. В этом отношении удачным прецедентом можно считать цитируемое Проскуриной исследование эпистолярного наследия Екатерины II К. Рубин-Детлев, решающее сходные задачи и опирающееся на те же источники.¹³ В частности, Рубин-Детлев соотносит этапы формирования и развития “Екатерины-писательницы” и “Екатерины-личности”.¹⁴

Книге остро не хватает заключения. Рассмотренные в шести главах отдельные сюжеты оставляют открытым вопрос, в какой мере Екатерина II действительно руководствовалась в своей политике идеологическими мотивами и не служила ли ее риторика лишь прикрытием реальных целей и интересов? В связи с этим название работы не совсем точно отражает ее содержание. В центре каждой из шести исторических новелл, составляющих книгу, находится полемика императрицы с отдельными героями. Поэтому кажется, что заглавие должно упоминать не столько о “литературе как политике”, сколько о литературных поединках Екатерины II с ее оппонентами.

Книга завершается библиографией, которая вряд ли может претендовать на полноту. Кажется

странным отсутствие в ней имен таких значительных исследователей эпохи Екатерины II, как Ричард Уортман, Е. Б. Смилянская, А. Д. Ивинский.

Перечисленные замечания не отменяют того факта, что книга Проскуриной уже стала важной вехой изучения литературного наследия Екатерины II и екатерининского периода в целом. Книга с успехом реконструирует усилия императрицы по формированию комплиментарного образа России, достигшей просвещения и процветания под властью философа и писательницы на троне.

¹³ Kelsey Rubin-Detlev. *The Epistolary Art of Catherine the Great*. Liverpool, 2019. P. 7.

¹⁴ А. Вачева. Письма как художественный текст и политическое мастерство // Вивлиоика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2020. Vol. 8. С. 131.